

Водная проблема Средней Азии: роли России, Китая и Ирана

**А.Б.Лихачева, аспирант факультета мировой экономики и мировой политики
НИУ ВШЭ**

С осени 2012 г. выстраивание водно-энергетического баланса в Средней Азии впервые за весь постсоветский период получило интенсивное развитие. Безусловно, целый ряд шагов предпринимался в течение прошедших 20 лет. Но только сейчас диалог по-настоящему преодолел уровень пяти среднеазиатских республик. В статье рассматривается эволюция статус-кво Средней Азии под воздействием целого ряда событий и тенденций и новая роль региональных гегемонов, России и Китая в урегулировании кризиса, также анализируется влияние Ирана. Проводится анализ экономического влияния России и Китая в регионе, сравниваются политики в отношении государств, расположенных в верховьях рек и низинных государств-энергеоэкспортеров. В статье также рассматривается, как именно Россия и Китай могут участвовать в урегулировании водной проблемы, с какими ограничениями они при этом сталкиваются. В результате удастся доказать, что влияние двух гегемонов преимущественно комплементарное, за счет разделения экономических гарантий и гарантий безопасности. Влияние Ирана охватывает только Таджикистан и Туркменистан, но это значительно расширяет традиционную повестку для всего региона.

Ключевые слова: водно-энергетическая проблема Средней Азии, гидро-гегемония, Рогун, гидроэнергетика, Китай, Россия, Иран.

Anastasia Likhacheva, PhD Student, NRU HSE

Since fall 2012 forming of water-energy balance in Central got a real development Asia for the first time in post-soviet history. For last 20 years, a wide range of measures was implemented but only nowadays the dialogue overcame a intra five-republics level. The paper investigated an evolution of status quoin Central Asia affected by various events and tendencies, fruitfully flourished there in 2012. Policies of external regional hegemon, Russia and China are in the focus of the paper, also some attention is dedicated to Iranian initiatives. Besides that, a comparative analysis of Russian and Chinese economic influence is provided as well as theirs policies towards upstream and downstream republics. Ways to manage water problem in Central Asia are different for Russia and China, and these differences are also investigated in this paper. As a result, we managed to prove that both countries` influence has a complementary character due to division between economic and security guaranties demanded by Central Asian republics. Iranian influence is concentrated mostly in Tajikistan and less, Turkmenistan, but still it widens regional agenda a lot.

Key words: water-energy nexus in Central Asia, hydro-hegemony, hydro-energy, China, Russia, Iran.

Осенью 2012 г. выстраивание водно-энергетического баланса в Средней Азии впервые за весь постсоветский период получило интенсивное развитие. Безусловно, целый ряд шагов предпринимался в течение прошедших 20 лет. Но только сейчас диалог по-настоящему преодолел уровень пяти среднеазиатских республик. Почему так произошло и почему именно в 2012 году? Причин, естественно, несколько.

Во-первых, на фоне нарастания беспокойства вокруг ситуации в Афганистане после вывода контингента НАТО растет внимание к ситуации в Средней Азии в целом, как к по сути буферному региону [9]. А ключевой вопрос, определяющий устойчивость внутреннего положения в регионе был и остается водно-энергетический баланс.

Во-вторых, четко выявилась потребность в дешевой гидроэнергии, и для России, и для Китая. Интерес Ирана [10] еще более «водный»: вода в больших объемах необходима для развития ядерной энергетики. Именно эта отрасль – лидер по водопотреблению, т.к. на охлаждение мощностей требуются колоссальные запасы воды.

На протяжении последних 20 лет все попытки урегулировать данный вопрос либо на внутререгиональном уровне, либо с привлечением третьей стороны, незаинтересованной напрямую в урегулировании проблемы, неминуемо проваливались (в 2000х очень активно участвовать в процессе пытались немецкие организации). Основная причина состояла в том, что в отсутствие гегемона внутри бассейнов Амурдарьи и Сырдарьи прийти к консенсусу попросту невозможно.

Особая роль России и Китая в урегулировании водной проблемы в Средней Азии объясняется еще и тем, что в сегодняшних условиях можно уверенно сказать: реализация любого крупного проекта в сфере гидроэнергетики будет проходить при финансировании России и/или Китая, участии их компаний-подрядчиков; эти две страны предъявляют гарантированный спрос на дешевую энергию этих новых станций, и именно они в конечном итоге будут гарантами их безопасности.

Концепция гидро-гегемонии

Страны, обладающие географическим преимуществом (т.е. расположенные сверху по течению, Таджикистан и Киргизия) несравнимо слабее с экономической, политической и демографической точек зрения. Более того, богатые водные ресурсы для Таджикистана оказываются практически единственным внешнеполитическим активом в отношении с низинным Узбекистаном и Туркменией. Не получается говорить и о гегемоне внизу по течению: борьба за лидерство между Узбекистаном и Казахстаном далека от завершения.

Что есть гегемон? Что мы на самом деле подразумеваем под терминами «гегемон» и «гидро-гегемон»? Основной разработчик этой концепции, Марк Зейтун, так отвечает на этот вопрос: «Как напоминает нам Жерон Уорнер, в Греции, «гегемон» это тот, кто показывает путь, факелonosец в незнакомой местности. *«Доминирование»* определяется как *лидерство, подкрепленное принуждением*. Для сравнения, *«гегемония»* – это *лидерство подкрепленное авторитетом*. Успешная гегемонистская стратегия строится на согласии и подчинении, причем не столько за счет запугивания, сколько за счет эффективной смеси первого и второго» [19]. Причем нужно отметить, что гегемон может быть как неопасным, осуществляющим «позитивное» лидерство [7], так и принуждающим, формирующим режим «под себя»[2].

По мере развития концепции гидро-гегемонии, ряд авторов прямо указывают на необходимость замены традиционной дилеммы «конфликт-сотрудничество» в водных отношениях на термин «взаимодействие», т.к. подобная дихотомия приводит к искаженному восприятию, что любой конфликт – это негативное явление, а любой элемент сотрудничества – позитивное [20]. Исследование ряда бассейнов подтвердило, что, как правило, наблюдаются и конфликтные проявления, и действия, которые можно расценить как элементы сотрудничества. При этом нередки случаи, когда под формально актом сотрудничества (подписание договора) скрывается недружественное навязывание гегемоном своей воли. Тем самым глубинные противоречия только усиливаются и консервируются уже при помощи международного права.

Отчасти роль третьей стороны связана с особой ролью государства-гегемона при урегулировании водных разногласий: речь идет как о гегемоне внутри бассейна, так и о региональной силе. Говорить о глобальных гегемонах, регулирующие водные вопросы пока не представляется возможным. Роль гегемона в водном бассейне воспринимается двояко. Ряд авторов убежден, что наличие гегемона априори ведет к неравномерному распределению воды в бассейне, негативно влияет на создание региональных режимов водопользования и крайне негативно влияет на оформление договорных отношений между странами бассейна. В тоже время, отсутствие гегемона ведет, как правило, лишь к поддержанию статус-кво или хищническому водопользованию со стороны всех участников (пример озера ЧАД), а не создает площадку для кооперационных взаимодействий.

Особенно отсутствие гегемона характерно для бассейнов, на территории которых находятся одно или несколько новых государств. Однако в бассейнах с отсутствием гегемона необходимо всегда проверять бассейн на наличие внешнего гегемона, который может даже не входить напрямую в бассейн. Ярчайшим примером такого гегемона в 19 веке была Британская империя, напрямую влиявшая на распределение вод Нила между Египтом, Эфиопией и Суданом. Такого внешнего гегемона нужно отличать от заинтересованного посредника. Его деятельность может быть при этом весьма успешной, но проходит в совершенно другом качестве. Классическим примером успешного участия третьей стороны, на протяжении нескольких десятилетий считался опыт Всемирного банка при составлении соглашения по Инду (между Индией и Пакистаном). Однако в последнее время на фоне обострения индо-пакистанских противоречий возобновились опасения о непрочности данного договора. Также объективно успешным было посредничество Саудовской Аравии при урегулировании серьезного конфликта между Сирией и Ираком в 1975 г. Роль ООН стоит особняком и касается больше законодательства и гуманитарных акций, в связи с чем современная практика скорее ориентируется на государства-посредники или международные структуры (финансовые или НКО) при медиации водных споров.

Анализ водной проблемы с позиции структурного реализма предполагает следующую матрицу решений. В случае если государство-гегемон расположено сверху по течению – конфликта нет, диалога по сути также нет. В ситуации, когда государство-гегемон расположено внизу по течению – вероятно формирование режима, разделения квот и фиксации норм, выгодных гегемону в международных договорах. При отсутствии гегемона либо статус-кво, либо эскалация. Именно поэтому успех водной кооперации в

Латинской Америке большинство экспертов связывают с определяющей ролью Бразилии как регионального гегемона: пока Бразилия и Аргентина оспаривали лидерские позиции, регион не отличался ни сотрудничеством, ни даже уважением прав соседей в водном вопросе.

Водно-энергетический тупик Средней Азии

На данный момент гегемона среди пяти республик выделить невозможно. Невозможно даже выделить доминантную силу, поскольку каждая из стран имеет определенные резервы для сдерживания соседей. Сравнение количественных показателей не вносит никакой ясности. Безусловно, с точки зрения размеров самыми крупными были и остаются «нижние» – Казахстан и Узбекистан, и по экономическим показателям, и по населению (см. Таблицу 1). В тоже время географически в доминантной позиции находятся экономически отстающие и малонаселенные республики, с сильной трудовой эмиграцией в Россию – Киргизия и Таджикистан. На фоне растущего интереса Китая к региону как к транзитному блоку на пути в Афганистан их важность и возможности для политических маневров увеличиваются. При анализе водно-энергетического баланса, а точнее, водно-энергетического тупика в регионе традиционно показывается такая карта.

Таблица 1 Динамика и прогноз населения пяти среднеазиатских республик 1992-2050 гг., млн чел.

Население	1992	2002	2012	2050
Узбекистан	21,5	25,3	28,0	35,4
Казахстан	16,4	14,9	16,4	21,2
Таджикистан	5,5	6,3	7,1	10,7
Киргизия	4,5	5,0	5,5	7,8
Туркменистан	3,9	4,6	5,1	6,68
Центральная Азия	51,8	56,0	62,2	81,8
Темп роста 1992-2010	20,0%			
Темп роста 2010-2050	31,6%			

Источник: *worldbank.data.org*

Проблематика водных конфликтов широко обсуждается в научной и общественной литературе с конца 90х гг. прошлого века, но о перспективе международных водных войн эксперты сегодня говорят с большим скепсисом. Пожалуй, один из немногих регионов мира, где возможность войны за воду не только допускается, но и рассматривается как «рабочий» вариант – это Центральная Азия. Причин несколько, и главное, это не столько абсолютный дефицит воды, а неравномерность распределения воды и углеводородных ресурсов между странами региона. Странами, которые никогда раньше не сталкивались с подобной проблемой: впервые после распада СССР Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан и Туркмения столкнулись с необходимостью управлять суверенными энергосетями и национальным водным хозяйством. При этом вся экономика региона была выстроена и функционировала на базе единой энергетической системы Союза. После его распада регион разделился надвое: страны, богатые энергоресурсами (Казахстан, Узбекистан и Туркмения), но расположенные на равнине в нижнем течении рек, и страны, богатые водой (Таджикистан и Киргизия с их колоссальными запасами ледниковой воды), но практически не имеющие собственных углеводородных ресурсов [21]. Казалось бы, это

должно было стать площадкой для региональной торговли, развития экономик и интеграции стран Центральной Азии. Но оказалось тупиком, в котором сейчас и находится регион. Природа этого тупика многомерна, и каждый из «пластов» сам по себе – сложная проблема международных отношений:

➤ Конфликт «нижних» стран, которым вода требуется, прежде всего, для ирригации в весенне-летний период и «верхних», которые в этот период накапливают её в водохранилищах, чтобы зимой сбрасывать для производства электроэнергии [13].

➤ Конфликт «независимостей». Возникнув как суверенные государства менее 20 лет назад, страны Центральной Азии крайне ревностно относятся к понятию суверенитета, стараясь нивелировать влияние соседей, и в тоже время, хотят максимально на соседей влиять, и в этом случае вода и газ оказываются подходящими политическими инструментами.

➤ Конфликт авторитарных режимов. Урегулирование проблемы явно требует формирования некой централизованной водно-энергетической системы региона. Но создание такой структуры означает делегирование части национальных полномочий, что для авторитарных режимов Центральной Азии сегодня не представляется возможным.

➤ В регионе существуют жесткие межэтнические противоречия практически между всеми народами. Потоки этнических и экономических мигрантов, этнические анклавы приводят к тому, что страны минируют границы по обе стороны. Это фактически блокирует диалог по вопросу, который сегодня стал определяющим для развития региона.

➤ «Болезнь роста». Сегодня экономики Центральной Азии находятся на аграрно-индустриальном уровне развития. В целом, регион характеризуется экономической отсталостью. Это означает, что экономический рост в странах региона будет сопровождаться ростом водо- и энергопотребления. По мере перемещения сельских жителей в города также будет расти спрос на воду. Т.е. любое развитие региона приведет только к усугублению водно-энергетической проблемы.

В итоге сложилась абсолютно тупиковая ситуация: с одной стороны, имеются идеальные условия для рынка, бартерного обмена, с другой – нежелание ни одной из сторон это делать. Проблема упирается в общую напряженность между странами, нежелание авторитарных режимов впадать в зависимость от других среднеазиатских республик, недоговороспособность стран.

Помимо политических и экономических граней конфликта, существует и экологическая составляющая: катастрофа Аральского моря продолжает влиять на регион. Деграция экосистемы моря представлена на рисунке 1.

Помимо прямого эффекта для прибрежных районов, наблюдается засоление все больших территорий: ветер разносит соль вплоть до ледников Памира, что ускоряет их таяние: по оценкам гляциологов, объемы ледников сократились на четверть за вторую половину XX века, а к 2025 г. площадь ледников Таджикистана снизится еще на 20%, что приведет к сокращению ледникового стока на 25%. Уже сегодня сток таджикских рек упал на 7%. При этом антропогенная катастрофа разворачивается на фоне глобальных изменений климата, главный подтвержденный эффект которого – тенденция к более длинным и холодным зимам и более жаркому и засушливому лету.

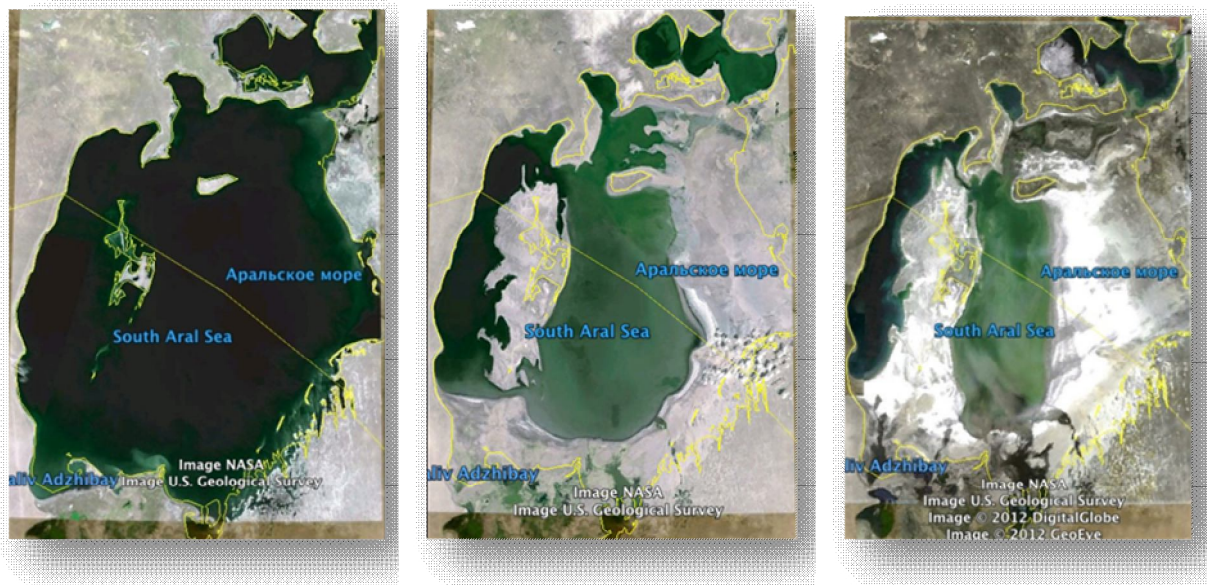

Рисунок 1 Деградация Аральского моря – 1973,2000, 2012 гг.

Источник: Google Earth

Сегодня при обсуждении современных водных споров особенно важно понимание, что прецеденты эффективного разрешения таких конфликтов есть, вплоть до определения штрафов за чрезмерный водозабор. Приведем здесь лишь несколько примеров соглашений, прямо прописывающих санкции [1]. Так, в рамках Соглашения между Великобританией и Угандой с одной стороны и Египтом – с другой в отношении строительства водохранилища на водопаде Оуэн в Уганде, Уганда выплатила Египту штраф в размере £980 000 (потери в гидроэнергии) и компенсацию за наводнение. Существуют прецеденты займов пресной воды для ирригационных целей: так, США выдало кредит в размере 50 млн. м.³ Мексике в декабре 1966 г. с правом удерживать такой же объем в последующий период (от года до трех в зависимости от погодных условий).

Практика компенсации за затопленные территории при строительстве плотин была распространена еще в XIX веке. Так, британские колонии соглашались платить за воду и поддерживать резервуар в рабочем состоянии, а британцы выплачивали денежную компенсацию за разрушенные при заполнении резервуара дома. В некоторых случаях соглашение предполагает строительство дополнительных объектов инфраструктуры, например систем доставки воды на «пострадавшей» стороне (как в случае Индо-непальских соглашений по проекту на реке Кози в 1954 и 1966 гг.). Международных договоров, в которых предусмотрена форма финансовой или любой другой компенсации за использование воды насчитываются десятки. При этом во всех подобных договорах делается акцент на ресурсную функцию воды, а не на право человека на воду.

Внешние гегемоны

Очевидными внешними гегемонами для региона являются Россия и Китай [16], менее очевидным и только начинающим экстраполировать свое влияние пока только на две страны региона, Таджикистан и Туркмению – Иран. Однако при включении всего этих трех государств открываются новые грани проблемы. Если представить водно-энергетическую проблему в Средней Азии как модель, то можно выделить три уровня:

первый, наиболее изученный – отношения между пятью республиками. Именно на этом уровне проблема консервировалась последние 20 лет. Второй уровень включает двусторонние отношения республик с соседними гегемонами: Россией, Китаем и Ираном. Когда исследование выходит за границы водно-энергетического дискурса необходимо добавить США, Европейский союз, в ближайшем будущем – Индию и Афганистан. Данный слой стал превалировать в повестке только в последние годы, по мере интенсификации таких отношений. Третий слой – это отношения между внешними гегемонами вокруг Средней Азии, т.е. в данном случае проблемный регион выступает уже не как субъект, а как объект международных отношений. На сегодня эти три уровня можно разграничить и во времени. Межреспубликанские дискуссии были в центре внимания в прошлом, они продолжают играть свою роль, но все пять республик довольно быстро переориентируются на многовекторную политику, направленную на взаимоотношения с внешними гегемонами и решение водно-энергетических проблем их руками или хотя бы под их гарантии. Второй уровень – то, что находится в центре внимания сегодня, и будет преобладать в повестке в среднесрочной перспективе. В Средней Азии пока достаточно места для развертывания разных групп интересов, и в тоже время Россия, Китай и Иран не обладают каждый в отдельности всей полнотой внешних ресурсов для комплексной реализации своих намерений в регионе. Третий уровень – вопрос будущего, который уже намечается (в значительно более широком контексте, нежели водно-энергетическая проблема). И будет выходить на первый план по мере сужения пространства для неконкурентных стратегий гегемонов [15].

Соответственно, объект исследования в данной статье: отношения между Россией, Китаем и Ираном со странами Средней Азии по ключевому для региона вопросу – выстраиванию водно-энергетического баланса¹.

С исследовательской точки зрения проблема состояла в том, что ни одно из этих трех государств не намеревалось активно включаться в эту среднеазиатскую проблему, хотя участие в экономике региона постепенно росло на протяжении всех 2000-х гг. (см Таблицу 2). С начала 2012 г. сразу несколько событий подтвердили начало нового этапа в развитии водной проблемы в Средней Азии.

В 2012 г. окончательно оформилась новая экономическая роль Китая для региона, причем и в «верхних», и в «нижних» республиках. В 2010 г. Китай впервые обошел Европейский союз и стал главным торговым партнером Средней Азии (с оборотом \$30 млрд.). В 2011 г. торговый оборот Китая со Средней Азией достиг рекордного значения за весь постсоветский период – \$39,6 млрд., превзойдя даже докризисный максимум (по итогам 2008 г. оборот составил \$30,8 млрд.). При этом впервые торговый баланс Китая со странами Средней Азии стал отрицательным: рекордный импорт (\$21 млрд.) превысил экспорт в регион (\$18,5 млрд.). Еще за год до этого, в 2010 г. импорт не превышал \$13,5 млрд., заметно уступая экспорту (\$16,5 млрд.). Основная часть этого скачка приходится на Казахстан и Туркменистан: импорт из этих стран в КНР вырос за год на \$4,2 и \$3,6 млрд. соответственно (достигнув значений \$15,3 и \$4,7 млрд.). Стоит отметить, что если торговые потоки из Казахстана и раньше играли основную роль в торговле Китая со

¹ За рамками данной статьи остается водная ось Китай-Казахстан-Россия, поскольку в данном случае речь идет о едином международном бассейне. Данный кейс интересен сам по себе и достоин отдельного исследования.

Средней Азией (в 2010 г. на Казахстан пришлось 82% всего импорта из региона), то импорт топлива из Туркменистана за год увеличился в 4,5 раза. Это сразу увеличило долю страны с 8% до 22%. Что касается экспорта из Китая, то главным покупателем китайских товаров по-прежнему остается Казахстан (с 2012 года нужно говорить об экспорте в ЕврАзЭС), из \$18,5 млрд. на него приходится \$9,6 или 51%. Вторым партнером на протяжении многих лет остается Киргизия (\$4,9 млрд.), а вот замыкает тройку лидеров в 2011 г. Таджикистан, с показателем в \$2 млрд. В 2011 г. наблюдался резкий прирост экспорта в данную республику – на \$620 млн., что составило 45% от уровня 2010 года.

Вплоть до 2008 г. Россия превосходила Китай по объему товарооборота со Средней Азией, однако начиная с 2008 г. (тогда Китай обогнал Россию на \$3 млрд.) ситуация перевернулась. Увеличивающийся разрыв между оборотами с РФ и КНР (в 2011 г. этот показатель достиг \$13,5 млрд.) практически целиком приходится на прирост китайского импорта топлива. На протяжении всего посткризисного периода Россия наращивала экспорт в Среднюю Азию (основной прирост в абсолютно выражении пришелся на Казахстан), и в конце 2011 г. сумела выйти по данному показателю практически на докризисный уровень. В то же время, объемы китайского экспорта начали расти только в 2011 г., и КНР так и не удалось компенсировать кризисный провал (в 2009 г. экспорт упал с \$22,6 млрд. до \$16,6 млрд.). Динамика упомянутых показателей представлена на рисунке 2.

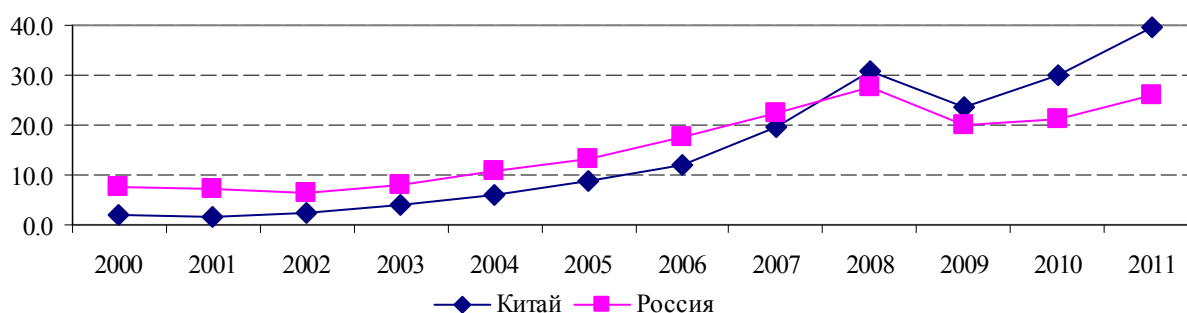

Рисунок 2 Динамика оборота РФ и КНР со Средней Азией за период 2000-2011 гг, \$ млрд

Если сравнивать участие России и Китая в экономиках «верхних» и «нижних» республик по итогам 2011 года, то можно схематически представить это так. В части экспорта в регион Россия стабильно обходит Китай в Казахстане, Узбекистане и Туркмении, Китаю достаются Киргизия и Таджикистан: иначе говоря, соблюдается строгое деление на «нижние» и «верхние» страны, в том числе по сфере влияния России и Китая в плане экспорта. Если сравнивать объемы экспорта по зонам влияния, то Россия поставляет в «свои страны» товаров на \$16 млрд., (Китай в эти же страны – \$11 млрд.), а Китай в Киргизию и Таджикистан – \$7 млрд. (Россия экспортирует туда на сумму \$1,8 млрд.). Подробнее см. Таблицу 2.

В части импорта ситуация практически обратная: Китай лидирует в Казахстане и Туркменистане, а Россия – в Киргизии, Таджикистане и Узбекистане. Если сравнивать объемы импорта по зонам влияния, то Китай покупает в «своих странах» на \$20 млрд. (Россия импортирует оттуда же товаров на \$5,2 млрд.), а Россия в «своих» – на \$3 млрд. (Китай в них же – \$0,9 млрд.).

Таблица 2 Внешняя торговля стран Средней Азии с Россией и Китаем в 2011 г., \$ млрд

	Импорт		Экспорт		Оборот	
	Россия	Китай	Россия	Китай	Россия	Китай
Казахстан	5.02	15.35	12.91	9.57	17.93	24.92
Киргизия	0.38	0.10	1.16	4.88	1.53	4.98
Таджикистан	0.11	0.07	0.72	2.00	0.84	2.07
Туркмения	0.25	4.69	1.12	0.78	1.36	5.48
Узбекистан	2.46	0.81	1.98	1.36	4.45	2.17
Средняя Азия	8.22	21.02	17.89	18.59	26.11	39.61

Источник: UNCTAD.

Иными словами, с точки зрения импорта, Китай безоговорочно лидирует в самых «ценных» странах. В части экспорта ситуация ближе к паритетной: на емкие рынки «нижних» стран Россия и Китай поставляют много, а вот в «верхних» странах лидерство Китая выражено сильнее, чем лидерство России в «нижних» странах. Несмотря на практически одинаковую разницу (\$5 млрд.), эта сумма имеет совершенно разный политический вес для Казахстана, Узбекистана и Туркмении с одной стороны и Киргизии и Таджикистана – с другой.

Еще интереснее ситуация с прямыми иностранными инвестициями. Главным реципиентом таких инвестиций в регионе был и остается Казахстан, причем эта республика наиболее привлекательна не только для России и Китая, но и для стран Европейского Союза.

Освоение гидроэнергетического потенциала «верхних» республик

Если импорт углеродов из стран Средней Азии Китаю уже удалось наладить, и база для запуска новых проектов создана, то пока практически нереализован интерес Китая в сфере дешевой гидроэнергетики [12]. Свои услуги и значительный ресурсный потенциал готовы предложить и киргизские, и таджикские соседи: в ходе визитов первых лиц обсуждению таких проектов уделяется повышенное внимание [14]. Для России вопрос водно-энергетического баланса в Средней Азии также лежит в сфере налаживания гидроэнергетических проектов, что подтвердили последние шаги российских властей.

Из-за гражданской войны (1992-1997 гг.), Таджикистан стал последней среднеазиатской республикой, подписавшей демаркационные соглашения с Китаем в 2002 г. Согласно соглашению Душанбе уступил Пекину более 1000 км.² в горных районах Памира. Парламент республики ратифицировал данное соглашение только в 2011 г. С 2010 г. Китай стал главным торговым партнером Таджикистана, на его долю приходится 33% всего внешнеторгового оборота республики. В то же время доля России опустилась до 19%. При этом именно на долю Таджикистана приходится 2/3 всех займов, которые Китай выдает Средней Азии. Более 80% китайских инвестиции идут в форме кредитов. Одним из результатов такой политики «дешевых кредитов» в 2010 г. стало более \$700 млн. долга – треть всего долга Таджикистана приходилась на Китай [12]. Китай рассматривает Таджикистан как недостающее звено для налаживания полноценных связей с Афганистаном: прямой коридор слишком труднодоступен. Сегодня большая часть китайских товаров, поступающих на север Афганистана, идет через Таджикистан. Новая

транзитная роль республики позволяет привлекать все больше инвестиций для строительства инфраструктурных объектов, главным образом автомобильных и железных дорог [17].

В 2012 г. Всемирный Банк проводил независимую экспертизу Рогунской ГЭС, главного камня преткновения в Таджикиско-Узбекских отношениях. независимая экспертиза Всемирного банка сейчас работает и отчасти на «усмирение» Узбекистана [18]. Так, 6-7 ноября 2012 г. в Алма-Аты прошла встреча Банка с представителями правительств Афганистана, Казахстана, Киргизии, Таджикистан и Туркмении. Представители Узбекистана приняли участие только во втором дне встречи, на уровне гражданских организаций и муниципальных властей.

Весной 2012 г. стало известно о переговорах Ирана с Таджикистаном о возможности импорта 1 млрд. м. куб. воды. Наличие общего языка, простая и понятная программа сотрудничества (вода в обмен на энергоресурсы и инфраструктуру) создают благоприятные условия для полноценного участия Ирана в среднеазиатской игре. Помимо Политических аспектов, Ирану требуются значительные объемы пресной воды для развития ядерной энергетики уже сегодня, и возможности диверсификации источников воды для него сильно ограничены в сравнении с возможностями Китая и России диверсифицировать торговлю топливом [5,22].

Что касается России, то в течение постсоветского периода взаимодействие со всеми пятью республиками строилось преимущественно в двустороннем формате, несмотря на совместную работу в международных организациях. В 2012 г. Россия четко сделала ставку на поддержку «верхних» республик, пойдя на усиление конфронтации с Узбекистаном. Так, в рамках поездки в Среднюю Азию В.В.Путин 20 сентября 2012 г. подписал шесть соглашений с Киргизией о сотрудничестве в сфере гидроэнергетики и объявил о намерении России выстроить новый водно-энергетический баланс в Средней Азии [4]. Помимо этого, РФ активно импортирует дешевую гидроэнергию из Киргизии и Таджикистана для внутреннего потребления. Особенность Камбараты-1, планы строительства которой готовились еще в Советском Союзе – её верхнее расположение в каскаде действующих ГЭС, расположенных на территории Киргизии. Таким образом, появится техническая возможность сливать воду в зимний период для выработки электричества и задерживать её в водохранилищах, расположенных ниже по течению – Шамалды-Сайская, Учкурганская и Токтогулка. Благодаря этому государства, расположенные внизу по течению, не будут страдать от зимних паводков, и появится возможность регулировать весенний сток в период ирригации. Для России реализация данного проекта может носить также имиджевый характер, поскольку затянувшийся на десятилетия проект строительства Рогунской ГЭС с участием российского Русала создает негативный образ российских подрядчиков за рубежом.

Помимо гидроэнергетических соглашений с Киргизией, буквально через месяц было объявлено о выделении финансовой помощи на военные нужды и в Киргизии, и в Таджикистане на сумму в \$1,5 млрд. [3]. А в августе 2013 г. в ходе визита Президента Таджикистана в Москву была подтверждена заинтересованность республики в строительстве четырех ГЭС средней мощности при участии России.

Очевидно, что активная экспансия в Среднюю Азию не может быть безоблачной ни для одного из гегемонов. Россия сталкивается с проблемой ограниченности ресурсов, и

финансовых, и человеческих. К тому же очевидно, что страны региона не стремятся полностью переориентировать свою политику на Россию, прекрасно понимая выгоды сотрудничества сразу с несколькими партнерами, а китайские инвестиции и дешевые кредиты этому только способствуют. Основная проблема Китая в кратко- и среднесрочном периоде связана с негативным восприятием страны в регионе – не среди элит, а среди населения. Так называемая «мягкая сила» КНР сегодня скорее негативная. Что касается Ирана, то очевидно, что серьезнейшей международное давление, и политическое, и экономическое, связывает ему руки при попытках активно выстраивать новые стратегические связи со Средней Азией. В случае ухудшения ситуации можно будет и вовсе ожидать временного отстранения Ирана от Таджикистана и Туркмении: реализация крупных инфраструктурных и энергетических проектов под растущим прессом санкций и постоянной военной угрозой выглядит весьма туманной.

Происходит изменение статус-кво. Активно включились третьи игроки, каждый из которых в отношениях с 5 республиками выступает как гегемон; при этом у игроков нет взаимоисключающих стратегий. По крайней мере, на данном этапе Россия и Китай явно не будут идти на конфронтацию ради освоения ресурсов Средней Азии. Более того, учитывая понятное стремление среднеазиатских республик к многовекторной политике, вероятно, что проекты в регионе будут реализовываться по взаимодополняющему признаку. ГЭС строит Россия, ж./д. дорогу – Китай.

С точки зрения управления международными водотоками, обсуждение транспортировки крупных объемов пресной воды из одной страны (слабой, неразвитой) в другую – важный прецедент. На данный момент в мире действует только один такой проект – между Малайзией и Сингапуром, и строительство данного водопровода стало катализатором к созданию сингапурской армии. При реализации данного проекта связь Ирана с Таджикистаном выйдет на качественно иной уровень и запуск такого водотока потребует обеспечения его безопасности, что неминуемо усилит военное присутствие Ирана в регионе. В принципе, учитывая его статус постоянного наблюдателя при ШОС, подобный сценарий не выглядит нереалистичным.

У казавшейся тупиковой проблемы Рогунской ГЭС также намечаются изменения: экспертизу Всемирного Банка ни Узбекистан, ни Туркмения не смогут не принять во внимание при выстраивании своей международной позиции, и при удовлетворительных результатах мониторинга можно ожидать, что Рогун все-таки будет достроен.

Дальнейшие направления исследования связаны с более глубоким изучением роли стран-гегемонов, не являющихся географическими соседями – США и Европейского Союза. В перспективе в регионе будет расти влияние индийской экономики, ряд экспертов уже называют Среднюю Азию тестовой площадкой для глобального соперничества Индии и Китая [6,8]. Также очевидно, что по мере приближения 2014 года все громче будет звучать афганская проблема – и как вызов, и как новая возможность для всей Средней Азии.

Список источников

1. Beach H., Transboundary freshwater dispute resolution : theory, practice, and annotated references, Tokyo ; New York : United Nations University Press, 2000.

2. Gilpin R., War and change in the World politics, Cambridge university press, 1981
3. <http://www.forbes.ru/news/195766-rossiya-vydelit-kirgizii-i-tadzhikistanu-15-mlrd-na-modernizatsiyu-armii>
4. <http://www.kremlin.ru/news/16509>
5. Iran may import 1bn cubic meters of potable water from Tajikistan. 27 May 2012
<http://tehrantimes.com/economy-and-business/98283-iran-may-import-1bn-cubic-meters-of-potable-water-from-tajikistan>
6. Kavalski E., India and Central Asia: The Mythmaking and International Relations of a Rising Power. I. B. Tauris, 2010.
7. Kindleberger C.P., Dominance and leadership in the International economy – Exploitation, Public-goods ad Free-ride. International studies quarterly, 25 (2), 1981, срр. 242-254
8. Laruelle M., Huchet J.F., и Peyrouse S.. China and India in Central Asia: a New «Great Game»? Palgrave Macmillan, 2010;
9. Peyrouse S., Battle on Top of the World: rising tensions in Tadjikistan`s Pamir region. August 2012. On Wider Europe series, Washington, DC.
10. Peyrouse S., Ibraimov S., Iran`s Central Asia Temptations, Current trends in Islamist ideology vol. 10, August 2010
11. Peyrouse S., Tajikistan`s new trade. Cross-Border commerce and the China-Afghanistan link, PONARS Eurasia policy Memo No. 169, September 2011
12. Peyrouse S., The Hydroelectric Sector in Central Asia and the Growing Role of China, China and Eurasia Forum Quarterly, Volume 5, No. 2 (2007) p. 131-148
13. Presentation Water Energy Nexus in Central Asia by Sergei Shatalov, Country Manager for Kazakhstan, and Department for Sustainable Development World Bank, 2008 SPECA Economic Forum Moscow, 20 October 2008;
14. Safarov S., «On a state visit of Emomali Rakhmonov to China», Evraziiskii dom, April 25, 2007
15. Swanström N. China`s Role in Central Asia: Soft and Hard Power, Global Dialogue Volume 9 Number 1–2 Winter/Spring 2007—The Rise of China
16. The new great game in Central Asia. Asia Center. European council on foreign relations, September 2011
17. Vinson M. , Road Projects in Tajikistan Impact Its Strategic Geography, Publication: Eurasia Daily Monitor Volume: 9 Issue: 202, November 5, 2012
18. www.worldbank.org/eca/rogun.
19. Zeitoun M, Mirumachi, N. Transboundary water interaction I: Reconsidering conflict and cooperation, International Environmental Agreements (2008) 8:297-316, Springer, 2008
20. Zeitoun, Mark and Allan, Tony Applying hegemony and power theory to transboundary water analysis. Water policy, 10 (S2). pp. 3-12. ISSN 1366-7017, (2008)
21. ЕАБР, Водно-энергетические ресурсы Центральной Азии: проблемы использования и освоения. Отраслевой обзор. 2008
22. Узбекистан прекращает поставки газа в Таджикистан; Душанбе договаривается с Ираном о будущих поставках газа и воды 26.03.2012
<http://www.fergananews.com/news.php?id=18380>